

Научная статья
УДК 378301-053.9
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-35-43

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Максим Александрович Кужелев

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
kuzhelev@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-4936-4799,
AuthorID РИНЦ: 778662, SPIN-код: 7747-9081

Аннотация. *Цель исследования* заключается в построении модели социальной эксклюзии сельской молодежи, которая позволит выявить индикаторы-стимуляторы и дестимуляторы социальной депривации, а также региональные различия выраженности интегральных показателей.

Методологическая база исследования строится на основе социологического исследования, проведенного в 2020 году в сельских территориях Южного федерального округа (в исследование были включены все субъекты округа), в котором приняли участие 635 респондентов: возрастные группы 15–19 лет (64 юноши и 62 девушки), группа 20–24 года (63 юноши и 62 девушки), группа 25–29 лет (81 юноша и 72 девушки), группа 30–35 лет (120 мужчин и 111 женщин). Выборка — целевая квотная. Квотные признаки: территория проживания, возраст, пол. На основе операционализированных компонентов социальной эксклюзии был рассчитан суммарный индекс социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования была предложена структурная модель измерения социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи, определяемая материальными компонентами, описывающими ситуацию эксклюзии, и нематериальными компонентами, описывающими состояние эксклюзии. Модель включает в себя социально-экономические и социокультурные индикаторы измерения и позволяет произвести индекс эксклюзии как суммарный, так и по отдельным ее компонентам. Модель имеет одностороннюю казуальность, т. е. выраженность одного компонента может привести к большей выраженности социальной эксклюзии в образе жизни, на основании чего в модели были выделены индикаторы-стимуляторы (провоцирующие социальную эксклюзию) и индикаторы-дестимуляторы социальной эксклюзии.

Ключевые слова: *сельская молодежь, социальная эксклюзия, измерение социальной эксклюзии, модель социальной эксклюзии*

Для цитирования: *Кужелев М. А. Модель социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 35–43. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-35-43>.*

Original article

THE MODEL OF SOCIAL EXCLUSION IN THE LIFESTYLE OF RURAL YOUTH OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Maxim A. Kuzhelev

*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
kuzhelev@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-4936-4799,
AuthorID RSCI: 778662, SPIN: 7747-9081*

Abstract. *The purpose of the study* It consists in building a model of social exclusion of rural youth, which will allow identifying indicators of stimulators and destimulators of social deprivation and identifying regional differences in the severity of integral indicators.

The methodological basis of the study is based on a sociological study conducted in 2020 in rural areas of the Southern Federal District (all subjects of the district were included in the study), in which 635 respondents took part: age groups of 15–19 years (64 boys and 62 girls), a group of 20–24 years (63 boys and 62 girls), a group of 25–29 years (81 boys and 72 girls), a group of 30–35 years (120 men and 111 women). Sample — target quota. Quota signs: the territory of residence, age, gender. On the basis of operationalized components of social exclusion, the total index of social exclusion of rural youth of the Southern Federal District was calculated.

The results of the study. In the course of the study, a structural model for measuring social exclusion in the lifestyle of rural youth, determined by material components, was proposed describing the situation of exclusion and non-material components and describing the state of ecclesia. The model includes both socio-economic and socio-cultural measurement indicators and allows you to produce both a total exclusion index and its individual components. The model has a one-sided causality, i.e. the severity of one component can lead to a greater severity of social exclusion in the lifestyle, on the basis of which the model identified indicators-stimulators (provoking social exclusion) and indicators-destimulators of social exclusion.

Keywords: rural youth, social exclusion, measurement of social exclusion, model of social exclusion

For citation: Kuzhelev M.A. The model of social exclusion in the lifestyle of rural youth of the Southern federal district // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 35–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-35-43>.

Введение. Современные процессы урбанизации, всеохватывающая информатизация и цифровизация усилили степень дифференциации между городской и сельской молодежью по доходным ресурсам, уровню образования, стартовыми условиями в жизни. Сельская молодежь характеризуется как присущими всей молодежи, так и особыми свойствами социального положения, формируемыми под влиянием сельского образа жизни, и представляет собой специфическую социальную общность. Следует отметить, что при анализе влияния социальной эксклюзии

на образ жизни молодежи необходимо учитывать как объективные факторы (степень социально-экономического развития конкретного региона, особенности регионального рынка труда, доступность получения образования), так и субъективные (уровень благосостояния семьи, ценностные ориентации, ожидания), что позволит понять, почему молодые люди используют либо игнорируют возможности и шансы, что понимают под жизненным успехом, как оценивают собственное социальное положение, какие ценности и установки имеют приоритетное значение.

Социальная эксклюзия — многомерный динамический процесс, достаточно сложный с точки зрения теоретического определения и эмпирического измерения. В странах Европейского Союза социальная эксклюзия определяется как процесс вытеснения индивида из системы общественных отношений на периферию общественной жизни, что обусловлено экономическими лишениями, бедностью, ограниченностью социальных связей, нехваткой базовых компетенций и дискриминацией [1], т.е. с одной стороны индивид может быть эксклюзированным вследствие безработицы, низкого уровня оплаты труда, уровня образования, территории проживания, с другой — низким уровнем социальных контактов, близких контактов, уважения.

В связи с этим возникает проблема эмпирического измерения социальной эксклюзии, так как эксклюзия — более широкое понятие, чем бедность, и включает в себя множество переменных. В западных исследованиях социальной эксклюзии были выделены различные наборы измерений, которые включали наличие/нехватку товаров длительного пользования [2], отсутствие предметов первой необходимости, отсутствие доступа к рынку труда, невключенность в социальные отношения, невозможность пользоваться сферой услуг [3], вовлечение в политическую жизнь [4]. То есть исследователи идут по пути поиска определения категорий лишений исследуемой совокупности и построения частных индикаторов для определения масштаба лишений. Однако данные исследования включают наличие комплекса индикаторов измерения социальной эксклюзии и не выделяют единичный индикатор измерения. Примером построения интегрального показателя может быть разработанный в Европейском союзе индекс социальной эксклюзии (Social Exclusion Index) [1], позволяющий проводить межстрановые сравнения.

В отечественной социологии измерение социальной эксклюзии основано на выборочных исследованиях (обследовании групп социально незащищенных граждан) [5–9], однако среди исследователей нет согласованности как в теоретическом определении данного понятия, так и в эмпирическом измерении, так как социальная эксклюзия — понятие, скорее, относительное, чем абсолютное,

обстоятельства всегда будут иметь индивидуальные формы, а полноценное включение в общество будет зависеть от множества факторов, включая возраст, образование, семейное положение и т.д. Соответственно, измерение должно включать множество компонентов, которые будут выступать в качестве индикаторов социальной эксклюзии. Однако построение такой системы индикаторов усложняется недостаточностью методов эмпирического анализа и существующих методик оценки различных аспектов социальной эксклюзии. В рамках данного исследования предпринята попытка построения модели социальной эксклюзии сельской молодежи с учетом существующих теоретических и эмпирических лагун измерения социальной эксклюзии.

Методы и методология исследования.

Методологической основой построения модели социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи Южного федерального округа послужила многомерная модель, разработанная в рамках The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [10], которая представляет собой результат взаимодействия факторов (социальных, культурных, экономических и политических) на разных уровнях (индивидуальном, групповом, домохозяйств, местных сообществ, страны в целом), а также концептуальная модель социальной эксклюзии, предложенная С.Г. Максимовой, О.Е. Ноязином, Д.А. Омельченко [11]. Территориальное измерение, позволяющее сопоставить отдельные регионы по уровню эксклюзированности, опирается на методологический подход, предложенный исследователями Высшей школы экономики и предусматривающий в формуле математико-статистической модели риска социальной эксклюзии взвешивание показателя численности населения, находящегося в группах риска социальной эксклюзии, на вероятность материализации этого риска [12].

Построение модели социальной эксклюзии включало несколько этапов. На первом этапе были выбраны компоненты, которые отображают дистрибутивное измерение (материальные компоненты) и относительное измерение эксклюзии (нематериальный компонент), а также были учтены два вида из-

мерения социальной эксклюзии: состояние (динамические характеристики) и ситуации (статические характеристики).

На втором этапе были разработаны индикаторы материального компонента, описывающего ситуацию, и нематериального компонента, описывающего состояние. Материальный компонент включает в себя ма-

териальную (экономическую) депривацию и социальную депривацию (индикаторы доступа к социальным услугам и социальным институтам), нематериальный компонент включает индикаторы социокультурной депривации и социального аутизма: личные ресурсы, отношение к ситуации, субъективное благополучие (табл. 1).

Таблица 1
 Table 1

**Структурные компоненты построения модели социальной эксклюзии
 в образе жизни сельской молодежи**

Structural components of building a model of social exclusion in the lifestyle of rural youth

Измерение	Компоненты	Индикаторы	Код
<i>Материальный компонент</i>			
Ситуация (Situation)	Материальная (экономическая) депривация	Материальная обеспеченность	MD_1
		Возможность питаться	MD_2
		Возможность одеваться	MD_3
		Жилищные условия	MD_4
		Доступ к высокооплачиваемым рабочим местам	MD_5
	Социальная депривация	Доступ к институтам образования (среднее, средне-профессиональное, высшее образование)	SD_1
		Доступ к медицинскому обслуживанию (медицинской помощи)	SD_2
		Свобода и личная безопасность	SD_3
		Социальное обеспечение (государственные гарантии, социальные пособия и выплаты)	SD_4
		Участие в общественно-политической деятельности	SD_5
<i>Нематериальный компонент</i>			
Состояние (Condition)	Социокультурная депривация	Пользование современными цифровыми и информационно-коммуникационными технологиями (доступ к интернету, пользование социальными сетями, цифровыми услугами)	SKD_1
		Проведение досуга	SKD_2
		Общение с родственниками, друзьями, соседями	SKD_3
		Участие в культурной жизни (посещение кинотеатров, культурно-массовые мероприятия)	SKD_4
		Занятие спортом	SKD_5
	Социальный аутизм	Место проживания	SA_1
		Отношение к жизни в целом	SA_2
		Положение, статус в обществе	SA_3
		Самореализация	SA_4
		Уверенность в собственных силах	SA_5

На третьем этапе в модель измерения социальной эксклюзии дополнительно были включены факторы риска на микроуровне, которые подразделяются на независимые факторы риска (не подлежащие корректировке) — пол, возраст, семейное положение, и зависимые факторы (подлежащие корректировке) — профессиональный статус (учащийся, работающий, неработающий), уровень образования.

На четвертом этапе семантическая шкала, используемая в инструментарии сбора социологической информации, была преобразована в дискретную шкалу, на основании которой строился уровень эксклюзированной сельской молодежи со следующими значениями: $1 \geq 0,75$ — высокий уровень, $0,75 \geq 0,5$ — средний уровень, $0,5 \geq 0$ — низкий уровень.

Результаты. Расчет интегральных показателей проиллюстрировал ярко выраженное влияние отдельных индикаторов и компонентов депривации на социальную эксклюзию сельской молодежи. Доминирующим из компонентов депривации является материальная (экономическая) депривация ($MD = 0,702$) с индикатором материальной обеспеченности $MD_1 = 0,961$ и социокультурный компонент ($SKD = 0,628$) с индикатором проведения досуга $SKD_2 = 0,895$. На основе индексов компонентов депривации был рассчитан индекс ситуации социальной эксклюзии ($SitExcl = 0,640$) и индекс состояния социальной эксклюзии ($CondExcl = 0,609$), которые составили общий суммарный индекс социальной эксклюзии ($\sum indExcl = 0,624$) сельской молодежи Южного федерального округа. Модель социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа приведена на рис. 1.

Тестирование степени влияния независимых и зависимых факторов риска на образ жизни молодых сельчан выявило, что наибольшими факторами риска среди независимых факторов является возраст (различия в возрастных когортах молодежи), среди зависимых факторов — профессиональный статус и уровень образования. Наиболее эксклюзированной является сельская молодежь в возрасте 25–29 лет ($\sum indExcl = 0,702$), женщины ($\sum indExcl = 0,648$), не в браке ($\sum indExcl = 0,678$),

неработающие ($\sum indExcl = 0,687$), с уровнем образования (бакалавриат) ($\sum indExcl = 0,635$). Также было установлено, что каждой группе факторов присущи свои индикаторы-стимуляторы и дестимуляторы социальной эксклюзии. Так, в возрастной группе 25–29 лет индикатором-стимулятором эксклюзии выступает доступ к рынку труда (MD_3), в возрастной группе 30–35 лет — доступ к медицинскому обслуживанию (SD_2), а для возрастных групп 15–19 и 20–24 года стимулятором эксклюзированнойности выступает доступ к институтам образования. По профессиональному статусу наиболее эксклюзированной является неработающая молодежь (отсутствие средств к существованию как основной компонент эксклюзированнойности). Относительно уровня образования ярких различий не зафиксировано, однако наиболее эксклюзированной является сельская молодежь с высшим образованием (степенью бакалавра или магистра), что объясняется устоявшейся образовательной и профессиональной траекторией сельских студентов, когда получение вузовского образования реализуется как отложенный ресурс «лишь бы было» или «быть как все» и не согласуется с потребностями сельского рынка труда, дипломированный специалист не может найти себе применение в селе. Рассогласованность между спросом и предложением на сельском рынке труда имеет структурный характер и отражается на поведении сельской молодежи.

Территориальное измерение социальной эксклюзии в образе жизни сельской молодежи в субъектах Южного федерального округа не зафиксировало ярко выраженных значений компонентов социальной эксклюзии, однако наибольший разброс значений отмечается у компонента социального аутизма (SA) и материальной (экономической) депривации (MD) (на территориях Краснодарского края $SA = 0,344$, $MD = 0,588$ и Республики Калмыкия $SA = 0,661$, $MD = 0,824$). В соответствии с суммарным интегральным индексом социальной эксклюзии наиболее эксклюзированной является молодежь Республики Калмыкия ($\sum indExcl = 0,697$) и Республики Крым ($\sum indExcl = 0,695$). На всех территориях индикатором-стимулятором выступает материальная обеспеченность (MD_1) или доступ к высокооплачиваемым рабочим местам (MD_3).

Однако особый интерес представляет анализ социальной эксклюзии по каждому компоненту (индикатору), где наблюдаются глубокие различия внутри Южного федерального округа, несмотря на то, что регион характеризуется высокими социально-экономическими и демографическими показателями. На территории округа образовались так

называемые территории-аутсайдеры социальной эксклюзии и территории-инсайдеры.

Регионы-аутсайдеры — Республика Калмыкия и Республика Крым, оба региона при благоприятных природно-климатических условиях характеризуются сложными социально-экономическими и политическими показателями. В Республике Калмыкия и Рес-

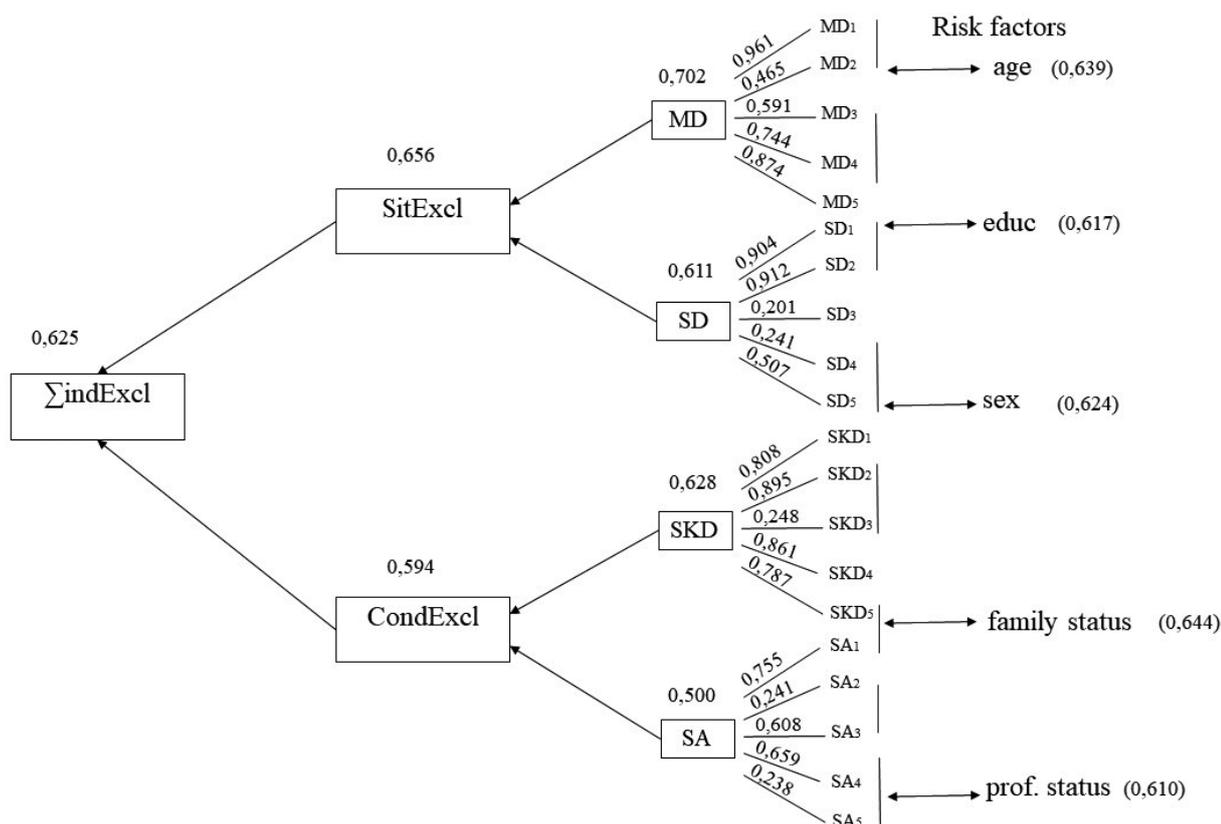

Рис. 1. Модель социальной эксклюзии сельской молодежи Южного федерального округа
 $\Sigma indExcl$ — суммарный индекс социальной эксклюзии сельской молодежи;
 $SitExcl$ — суммарный индекс ситуации социальной эксклюзии сельской молодежи;
 $CondExcl$ — суммарный индекс состояния социальной эксклюзии сельской молодежи;
 MD — индикатор материальной депривации; SD — индикатор социальной депривации;
 SKD — индикатор социокультурной депривации; SA — индикатор социального аутизма;
 Risk factors — факторы риска, выражающиеся в зависимых ($prof. status$ (профессиональный статус) и $educ$ (уровень образования)) и независимых факторах (age (возраст), sex (пол), $family status$ (семейное положение))

Fig. 1. The model of social exclusion of rural youth of the Southern Federal District
 $\Sigma indExcl$ — total index of social exclusion of rural youth;
 $SitExcl$ — total index of the situation of social exclusion of rural youth;
 $SondExcl$ — total index of the state of social exclusion of rural youth;
 MD — indicator of material deprivation; SD — indicator of social deprivation;
 SKD — indicator of socio-cultural deprivation; SA — indicator of social autism;
 Risk factors — risk factors expressed in dependent ($prof. status$ (professional status) and $educ$ (level of education)) and independent factors (age (age), sex (gender), $family status$ (marital status))

публике Крым были зафиксированы максимальные значения индикаторов в составе компонентов выраженности социальной эксклюзии (Республика Калмыкия $MD_1 = 0,968$ и $MD_5 = 0,971$; Республика Крым $MD_1 = 0,916$ и $MD_5 = 0,955$).

В ходе исследования была установлена взаимосвязь между материальным и социальными компонентами социальной эксклюзии, свидетельствующей об односторонней казуальной взаимосвязи, когда выраженность одного индикатора — компонента депривации — может привести к выраженности социальной эксклюзии. Индикатор социального аутизма включает в себя субъективный взгляд на образ жизни с точки зрения молодых сельских жителей, учитывая при этом отношение к жизни, возможность самореализации, уверенность в собственных силах, оценку собственного статуса, и характеризует влияние социальной эксклюзии на самосознание и конструирование жизненных стратегий. Соответственно, чем выше уровень депривации, тем выше уровень социального аутизма, стимулирующего маргинальные проявления в образе жизни и наоборот. Экономический реализм зависит от степени выраженности других компонентов социальной эксклюзии (MD), (SD), (SKD), соответственно, чем выше уровень выраженности указанных компонентов, тем выше уровень социального аутизма и наоборот. Примером может служить Краснодарский край, где отмечается наиболее благоприятный уровень социального аутизма — $SA = 0,344$ (при $MD = 0,588$, $SD = 0,499$, $SKD = 0,479$), что подтверждает одностороннюю казуальность измерения социальной эксклюзии.

Заключение. Проведенное исследование выявило социально-процессуальные (изменение в сфере социального взаимодействия сельской общности) и институциональные (изменение функционирования институтов в социокультурной среде) изменения образа жизни сельской молодежи.

Социальная эксклюзия в образе жизни сельской молодежи, как было установлено в ходе проведенного исследования, обусловлена, прежде всего, социально-экономическими и социокультурными факторами. Отток молодежи из села в город не уменьшается

на протяжении нескольких десятилетий, ограниченные возможности занятости, низкий уровень оплаты труда, неразвитость инфраструктуры, недоступность социальных и материальных благ приводят к высокому уровню эксклюзированнойности, препятствующей развитию жизненных стратегий молодого поколения и формированию аномичной позиции, проявляющейся в маргинальном или провинциальном образе жизни, свидетельствующем об атрофированности социальных и межличностных взаимоотношений.

Список источников

1. Measuring intersecting inequalities through the Social Exclusion Index: A proposal for Europe and Central Asia [Electronic resource]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP_22_UNDP_D_En.pdf. 10 p. (date accessed: 27.06.2021).
2. Tsakoglou P., Papadopoulos F. Aggregate level and determining factors of social exclusion in twelve European countries // Journal of European Social Policy. 2002. №12 (211). P. 2–16.
3. Laveist T., Sellers R., Brown K., Nickerson, K. Extreme social isolation, use of community-based senior support services, and mortality among african american elderly women. American Journal of Community Psychology, 1997. №25. P. 721–732.
4. Burchardt T., Grand J. L., Piachaud D. Degrees of exclusion: developing a dynamic, multi-dimensional measure. Political Science Corpus, 2002.
5. Ефлова М. Ю. Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции: дисс. ... докт. социол. наук. Саранск, 2015. 393 с.
6. Исаев Н. И., Капустин А. К., Смирнов С. Н. Риски социальной эксклюзии в регионах России: методологический инструментарий и результаты оценки // Вопросы статистики. 2015. №8. С. 47–55.
7. Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. Сентябрь-октябрь, 2012. №5. С. 83–94.

8. Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. №1. С. 27–47.

9. Шестернин Е.Е. Социальная эксклюзия среди представителей поколения «Z» как последствия изменения парадигмы высшего образования // Вопросы управления. 2017. №5 (48). С. 128–131.

10. Popau J., Enoch E., Heidi J., Rispel L. The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [Electronic resource]. URL: https://www.who.int/social_determinants/resources/sekn_scoping.pdf (date accessed: 21.06.2021).

11. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. №4. С. 579–586.

12. Danilin V.S., Isaev N.I., Kapustin A.K., Mezentseva E.B., Smirnov S.N. Social Exclusion Risk: Ratings of Russian Regions [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2015. 110 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gk4e6fwuw1/direct/146022535.pdf>.

References

1. Measuring intersecting inequalities through the Social Exclusion Index: A proposal for Europe and Central Asia [Electronic resource]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP_22_UNDP_D_En.pdf. 10 p. (date accessed: 27.06.2021).

2. Tsakoglou P., Papadopoulos F. Aggregate level and determining factors of social exclusion in twelve European countries // Journal of European Social Policy. 2002. №12 (211). P.2–16.

3. Laveist T., Sellers R., Brown K., Nickerson, K. Extreme social isolation, use of community-based senior support services, and mortality among african american elderly women. American Journal of Community Psychology, 1997. №25. P. 721–732.

4. Burchardt T., Grand J.L., Piachaud D. Degrees of exclusion: developing a dynamic, multi-dimensional measure. Political Science Corpus, 2002.

5. Eflova M. Ju. Social'naja jekskljuzija deprivirovannyh grupp (narkozavisimyh i ljudej, zhivushhih s VICH) v rossijskom obshhestve: strategii institucionalizacii i opyt integracii: diss. ... dokt. sociol. Nauk [Social exclusion of deprived groups (drug addicts and people living with HIV) in Russian society: institutionalization strategies and integration experience: Dr. Sci. (Sociology) diss.]. Saransk, 2015; 393. (In Russ.).

6. Isaev N.I., Kapustin A.K., Smirnov S.N. Riski social'noj jekskljuzii v regionah Rossii: metodologicheskij instrumentarij i rezul'taty ocenki Risks of social exclusion in the regions of Russia: methodological tools and evaluation results]. *Voprosy statistiki [Questions of statistics]*. 2015; 8: 47–55. (In Russ.).

7. Saponov D.I., Smol'kin A.A. Social'naja jekskljuzija pozhiyh: k razrabotke modeli izmenenija [Social exclusion of the elderly: towards the development of a measurement model]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija [Monitoring of public opinion]*. Sentjabr'-oktjabr', 2012; 5: 83–94. (In Russ.).

8. Tihonova N.E. «Negativnaja stabilizacija» i faktory dinamiki blagosostojanija naselenija v postkrizisnoj Rossii [«Negative stabilization» and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia]. *Sociologicheskij zhurnal [The Sociological journal]*. 2019; 25 (1): 27–47. (In Russ.).

9. Shesternin E. E. Social'naja jekskljuzija sredi predstavitelej pokolenija «Z» kak posledstvija izmenenija paradigmy vysshego obrazovanija [Social exclusion among the representatives of generation «Z» as the consequences of changing the paradigm of higher education]. *Voprosy upravlenija [Management issues]*. 2017; 5 (48): 128–131. (In Russ.).

10. Popau J., Enoch E., Heidi J., Rispel L. The Social Exclusion Knowledge (SEKN) [Electronic resource]. URL: https://www.who.int/social_determinants/resources/sekn_scoping.pdf (date accessed: 21.06.2021).

11. Maksimova S.G., Nojanzina O.E., Omel'chenko D.A. Model' social'noj jekskljuzii lic starshih vozrastnyh grupp regionov Sibiri [Model of social exclusion of persons of older age groups in the regions of Siberia]. *Uspеhi gerontologii [The successes of gerontology]*. 2017; 30(4): 579–586. (In Russ.).

12. Danilin V.S., Isaev N.I., Kapustin A.K., Mezentseva E.B., Smirnov S.N. Social Exclusion Risk: Ratings of Russian Regions [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House, 2015. 110 p. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gk4e6fwuw1/direct/146022535.pdf>.

Статья поступила в редакцию 05.09.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 22.09.2021.
The article was submitted on 05.09.2021; approved after reviewing on 15.09.2021; accepted for publication on 22.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кужелев Максим Александрович — старший преподаватель кафедры «Мировые языки и культуры», Донской государственной технической университет, аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Maxim A. Kuzhelev — Senior Lecturer, Department «World Languages and Cultures», Don State Technical University, Postgraduate Student, Department «Social and Humanitarian sciences», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Gagarina sq., Rostov-on-Don, Russia
